

Профессор А. И. Иванов*,
доктор церковной истории

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОНЕ «СВИДА»

I

Одним из самых выдающихся памятников византийской учености периода ее расцвета (IX—XI вв.) является энциклопедический словарь X в., известный под названием «Свида» (Σουίδα), или «Суда» (Σοῦδα)¹.

После глубокого упадка в VII—VIII вв. византийская культура с середины IX в. становится на путь подъема, который в X—XI вв. достигает значительной высоты.

Основная причина культурного оживления, наблюдающегося в Византии в указанное время, лежала в экономическом подъеме и политической стабилизации империи, в некотором ослаблении внутренних волнений и относительной безопасности государства от внешних нашествий.

Известную роль сыграло здесь и соперничество греков с арабами. Арабы, вышедшие из дикой страны, вскоре развили у себя вкус к образованию и научным занятиям. В особенности расцвела арабская культура при династии Аббасидов (750—1258). Представители этой династии в IX в. окружили себя учеными, которые собирали греческие рукописи и переводили их на арабский язык, разъезжали вместе с арабскими купцами по самым отдаленным странам и составляли географические и этнографические описания, заводили школы с большим количеством слушателей. Арабские халифы пытались даже переманивать к себе лучших византийских ученых. Так, Аль-Мамун, узнав от одного пленного грека о знаменитом философе и математике Льве, дружественным письмом приглашал его в Багдад, обещая богатство и почести. Однако император Феофил не отпустил Льва. Тогда халиф обратился непосредственно к императору с просьбой отпустить к нему Льва хотя бы временно. Взамен он предлагал вечный мир и две тысячи фунтов золота. Но Феофил, «не желая распространять среди варваров научные знания», которыми владели византийские ученые, отказал халифу в его просьбе, а для Льва с целью поощрения открыл публичную школу в Магнаврском дворце и одарил его почестями и привилегиями². Успехи арабов в области образования и научной деятельности задевали гордость византийцев и побуждали их к более энергичным умственным, научным и литературным занятиям³.

Наконец, немалое значение в развитии научной любознательности в рассматриваемое время имело и то обстоятельство, что во главе образовательного и научного движения становятся императоры, стремившиеся поддержать старую традицию великолепия византийского двора в глазах варваров и собственных подданных. Поэтому императоры не только покровительствуют научным занятиям, но и сами становятся в ряды ученых.

* Автор этой статьи, проф. Алексей Иванович Иванов, скончался 3 октября 1976 года. Некролог напечатан в «Журнале Московской Патриархии», 1977, № 11.

¹ Первое печатное издание Лексикона было выпущено Дмитрием Халкондилом в 1499 г. в Милане. Второе издание вышло в Венеции в 1514 г. О последующих изданиях до середины XIX в. даются сведения в Прологоменах к изданию Bernhardt 1853 г. Из поздних изданий наиболее известны: Suidae lexicon graece et latine. Ed. Godofredus Bernhardt. T. I, pars 1, 2; t. II, pars 1, 2. Halis et Brunswigae, 1834—1853; Suidae lexicon. Ed. A. Adler. Pars I—V. Lipsiae, V, 1928—1938. Мы пользовались изданием Bernhardt 1853 г., снабженным латинским переводом и обширными научными комментариями и Прологоменами.

Основная подсобная литература о Лексиконе перечислена в кн.: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527—1453). 2 Aufl. München, 1897, SS. 569—570. Более поздние сочинения приводятся нами в подстрочных примечаниях.

² Theophanis Continuati Chronographia. Ed. Bonn, 1838, pp. 191—192.

³ Стимулирующую роль Багдада в развитии византийской науки в IX в. настойчиво подчеркивает Бьюри (J. Bury. A History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I, 802—867. London, 1912, ch. XI, § 2).

Оживление образовательной и научной деятельности в Византии началось уже при последних иконоборческих императорах. Известно, что Михаил Травн (820—829), при всем своем невежестве, поощрял занятия наукой. Его сын Феофил (829—842) открыл публичную школу в Константинополе сначала в храме Сорока мучеников, а затем в Магнаврском дворце, во главе которой поставил, как указывалось выше, знаменитого ученого Льва Математика. При кесаре Варде школа была преобразована и приобрела значение главного центра обучения и науки в Византии, заменив существовавшие прежде в Константинополе университет и патриаршую школу. Варда, управлявший империей при Михаиле III (842—867) в качестве регента, первый показал пример ревностного покровительства науке и образованию. Он желал сделать образование доступным и объявил его бесплатным. Щедро награждая труд профессоров, Варда стремился вызвать интерес к наукам среди юношества⁴. Еще большее значение в образовательном движении имел Лев VI (886—912). Он получил прекрасное образование под руководством Фотия, был хорошо осведомлен в науках богословских, философских и других, написал несколько военных трактатов, 23 речи на богословские темы и ряд других литературных произведений. Естественно, такой любитель науки содействовал ее развитию. Под покровительством указанных лиц восстановленная Константинопольская высшая школа уже в IX в. достигла значительного процветания и выдвинула таких выдающихся деятелей науки и просвещения, как Лев Математик, патриарх Фотий, Константин Философ — просветитель славян. Трудami названных ученых с изумительным блеском воспользовался X век, на который падает расцвет средневековой византийской образованности. Этот расцвет связан с именем императора Константина VII Порфирогенета, который и сам принадлежал к числу наиболее образованных людей своего времени и сумел сгруппировать вокруг себя большое количество византийских ученых и литераторов. Унаследовав после своего отца Льва VI императорский престол в возрасте 8 лет, он долго удален был от дел государственных: сначала за него правила в качестве регентши мать Зоя (913—919), а затем тесть Роман I Лекапин (919—944). Живя в уединении, Константин окружил себя учеными и все свои средства тратил на покупку драгоценных рукописей. Сделавшись единодержавным императором (944—959), он не только не прекратил научных и литературных занятий, но продолжал предаваться им с еще большим увлечением, в ущерб государственным делам⁵.

При дворе Константина образовалась целая плеяда ученых самых различных специальностей: богословов, философов, историков, медиков, агрономов, астрономов и пр. Характерными особенностями научно-литературной деятельности данного периода, наметившимися уже с конца IX в., были: 1) стремление овладеть богатым наследием прошлого и 2) использование этого наследия для нужд текущей реальной жизни. По инициативе и при непосредственном участии императора объединившимися вокруг него учеными была проделана огромная работа по систематизации античной и ранневизантийской традиции. В это время были составлены многочисленные сборники эссе (извлечений) из произведений древних авторов и энциклопедии, имеющие характер справочников-руководств по разным вопросам и специальностям⁶.

На первом месте здесь стоит грандиозная историческая компиляция, созданная по инициативе Константина Порфирогенета и известная под названием «Энциклопедия истории и государства». При ее составлении была принята во внимание почти вся историческая литература греков из классического, александрийского, римского и византийского периодов. Однако подбор материала был произведен довольно механически. Все извлечения из трудов старых историков были сведены по их содержанию в 53 сборника с определенной тематикой для каждого; темами служили различные стороны придворной и государственной жизни. Таковы, например, сборники эссе:

- 1) о государстве: «О государственном управлении» (*Περὶ πολιτικῶν διοικήσεως*), «О публичных выступлениях» (*Περὶ δημηγοριῶν*), «О народах» (*Περὶ ἐθνῶν*), «Об обычаях» (*Περὶ ἔθῶν*), «О письмах» (*Περὶ ἐπιστολῶν*), «О поселениях-колониях» (*Περὶ οἰκισμῶν*), «О посольствах» (*Περὶ πρέσβευων*), «О заговорах» (*Περὶ ἐπιβουλῶν*) и др.;
- 2) о войне: «О поражении» (*Περὶ ἥττης*), «О победе» (*Περὶ νίκης*), «О военной тактике» (*Περὶ στρατηγικῶν*), «О войнах» (*Περὶ συμβολῆς πολέμων*);

⁴ Theophanis Continuati..., p. 185; *Fr. Schemmel*. Die Schulen von Constantinopel vom 9—11 Jahrhundert.— *Philologische Wochenschrift*, 1923, N 48—52, SS. 1179—1180.

⁵ Theophanis Continuati..., lib. VI. De Constantino Porphyrogeneto. Bonn, 1838, pp. 445—447; *F. Hirsch*. Konstantin VII Porphyrogenetos. Programm der Königstädtischen Realschule. Berlin, 1873; *A. Rambaud*. L'empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogenète. Paris, 1870.

⁶ В последнее время опубликованы две интересные работы по вопросу об арабском и византийском энциклопедизме: 1) *R. Paret*. Contribution à l'étude des milieux culturels dans le Proche-Orient medieval: L'encyclopedisme arabo-musulman de 850—950 de l'ère chrétienne.— *Rev. hist.* anné 90. T. 235, 1966, pp. 47—100 и 2) *P. Lemerle*. L'encyclopedisme a Byzance à l'apogée de l'empire et particulièrement sous Constantin VII Porphyrogenète.— *Cahiers l'histoire mondiale (Journal of World mondiale)*, 9, 1966, p. 596—616.

3) о Церкви: «О церковных собраниях» (Περὶ ἐκκλησιαστικῶν);

4) о морали: «О добродетели и пороке» (Περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας), «О парадоксах» (Περὶ παραδόξων), «О сентенциях» (Περὶ γυμνῶν) и др.

По изысканиям Бюттнера—Вобста, собранные по указанным темам эксцерпты извлечены из сочинений следующих античных и византийских историков (в алфавитном порядке): Агафия («О царствовании Юстиниана»), Аппиана («О городах Римской империи»), Арриана («Анабазис»), Георгия Монаха, Геродота, Диона Кассия, Диодора, Дионисия Галикарнасского, Евнопия («История»), Зосимы, Иоанна Антиохийского, Иоанна Малалы, Иосифа Флавия («Иудейские древности», «Иудейская война», «Макавев»), Ксенофонта, Малха Филадельфийца, Марцеллина Комита, Менандра Протектора, Николая Дамаскина, Петра Патрикия («История»), Полибия, Приска Понтийского («История гомов»), Прокопия Кесарийского («Войны Юстиниана»), Сократа Схоластика, Феофилакта Симокатта, Фукидида⁷.

К «Энциклопедии истории и государственного устройства» примыкает ряд других трудов исторического характера с именем инициатора энциклопедических изданий X в.—Константина Порфирогенета, а именно:

1) «Историческое описание жизни и деятельности царя Василия I, в котором родоначальник Македонской династии выставляется в самом благородном свете;

2) трактат «Об управлении империей» (De administrando imperio), где Константин разъясняет своему сыну Роману принципы международной политики Византии в X в. и сообщает географические и другие ценные данные о соседних народах, в том числе о славянах и венграх;

3) сочинение «О военном и административном делении империи», или «О фемах» (De thematibus) в 2-х книгах. Автор дает обстоятельную географию империи времен Юстиниана со всевозможными фантастическими рассказами о происхождении городов. К X в. относятся только новые названия и деление провинций. По существу книга представляет собой выдержки из сочинений Стефана Византийского (V в.) и Иерокла (VI в.);

4) сочинение «О церемониях византийского двора» (De caerimoniis aulae byzantinae). Книга содержит обширные сведения о разных сторонах придворной и церковной жизни Византии X в., собранные на основании записей и личных наблюдений автора.

Помимо компиляций исторического характера, трудами ученых, занимавшихся при дворе Константина и после его смерти, были созданы во второй половине X в. фундаментальные сборники и энциклопедии по целому ряду других специальных вопросов.

Так, государственный сановник Константина Симеон Метафраст оставил после себя грандиозный сборник «Жития святых», подвергнув использованные им оригиналы основательной редакционной правке.

При участии Феофана Нонна была выпущена медицинская энциклопедия (Ἱατρικά), основывающаяся главным образом на Орибазки (середина IV в.).

Затем известны из того же времени энциклопедии: по ветеринарии под заглавием «Ἱππιατρικά», по военной тактике «Стратηγικά» и по сельскому хозяйству «Γεωπολιτικά»⁸. В основе последней энциклопедии лежат старые руководства IV—VI вв. (Виндация Анатолия, Дидима и Кассиона Басса).

Однако едва ли не самым замечательным памятником византийской энциклопедической эрудиции X в. является грандиозный энциклопедический словарь, известный под названием «Свида», который своей полнотой и ученостью значительно превосходит все другие компиляции и энциклопедии той эпохи.

II

В научной литературе до сих пор не установлена личность автора словаря и само название Σουίδας или Σοῦδας остается загадочным. Среди ученых византийцев X—XI вв. неизвестно ни одного с именем Свида или Суда. Об авторе Лексикона нет упоминаний ни у одного писателя того времени. Нет никаких сведений о нем и в самом Лексиконе. Правда, в статье на слово Σαρφοράκη как будто указывается на родину автора, там говорится: «Καὶ γὰρ οἱ τὴν ἀρχὴν οἰκίζαντες τὴν νῆσον ἴσαν. Σάρφοι ἐξ ὧν ἡμεῖς ἐγενομεθα». Но слова эти принадлежат не автору Лексикона, а анонимному писателю⁹. Поэтому в последнее время начинает преобладать предположение, что название «Свида», или «Суда», не имя автора, а заглавие Лексикона. По мнению Дельгера, слово Σουίδας впервые применено было в качестве имени автора словаря Евстафием Фессалоникийским (конец XII в.) и с того времени прочно утвердилось в литературной традиции. Однако Дельгер считает, что в данном случае Евстафий до-

⁷ Th. Büttner — Wobst. Die Anlage der historischen Encyclopädie des Konstantinos Porphyrogenetos. — Byzantinische Zeitschrift. В. XV. Leipzig, 1906, SS. 88—120.

⁸ Прекрасный перевод на русский язык сделан Е. Э. Лищиц (Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. Изд. АН СССР. М.—Л., 1960).

⁹ Suidae lexicon, ed. 1853, Prolegomena, p. 1.

пустил произвольное искажение, заменив более раннее название Σοῦδα новым названием Σουίδαξ. Произошло это, по Дельгеру, потому, что Евстафий не понял встретившейся ему в одном из ранних списков Лексикона заглавной фразы, которая гласила: «Τὸ μὲν παρὸν βιβλίον Σοῦδα οἱ δὲ συγγραφεῖς τοῦτο ἄνδρες σοφοί»¹⁰.

В специальной работе Дельгер подробно рассматривает вопрос о коренном значении слова Σοῦδα, в каком оно употреблялось в древнеримской и затем в греко-византийской исторической литературе¹¹. Тому же вопросу посвящена статья Ламмерта¹². Тот и другой ученый на основании тщательных изысканий приходят к следующим выводам:

1. Слово Suda и plur. Sudes в древнем Риме (например, у Цезаря, Вергилия, Аммиана Марцеллина, Тита Ливия и др.) употреблялось в смысле обозначения деревянных оград или укреплений в военных лагерях.

2. В том же значении это слово (σοῦδα) применялось средневековыми греческими историками (например, Феофаном, автором «Пасхальной Хроники», Симеоном Магистром и др.), причем иногда с ним связывалось более широкое понятие о передовых укреплениях, состоящих из деревянных оград, валов и рвов.

3. Имея по существу военный характер, термин σοῦδα принят был создателем словаря в качестве его заглавия в метафорическом смысле. Таким образом, по мнению названных выше ученых, первоначальное название словаря было не Σουίδαξ (Suidas), а Σοῦδα (Suda), причем это название заимствовано было из древней и средневековой военной литературы и применено было к словарю как метафора.

Другое объяснение заглавия словаря дает французский ученый Грегуар. Он озаглавил словарь словом «Н Соῦδα», в котором подразумевает начальные буквы слов: ἦ (τοῦ) σ (υναγωγῆς) ὁ (νομαστικῆς) ἡ (λῆς) ὁ (ιαφέρων) ἄ (νδρῶν), что напоминает вид акростиха. В доказательство он приводит такие примеры, как ἰχθύς, Ἄδῃρ, Μαρία. Но Дельгер находит такое конструирование заглавия искусственным и неудачным, а приведенные примеры неуместными, так как они относятся к совершенно другой культуре и к другой сфере жизни¹³.

Несколько новых соображений о загадочном заглавии Лексикона высказал автор небольшой статьи в одном из итальянских журналов, но без аргументации и без определенных выводов¹⁴.

Нам кажется, что суждения ученых в пользу искомого наименования Лексикона словом «Суда» в том или ином значении не являются настолько убедительными, чтобы окончательно снять вопрос о первоначальном написании произведения словом «Свида» (Σουίδαξ), означаящим, возможно, имя определенной авторской личности. Правда, как справедливо замечает К. Крумбахер, это имя чрезвычайно редкое. Но оно встречалось в древнее время. Под таким именем известен историк, которого цитируют, как автора «Ἐξιστορικῆς», Страбон, Стефан Византиец и другие географы. О случаях упоминания имени Свида в древних источниках имеются и другие сообщения¹⁵. Bernhardt в Прологах к изданию Лексикона приводит мнение одного ученого (Küsteri), что первым составителем Лексикона был Свида, а затем его труд расширили и дополнили другие ученые, сохранив в заглавии имя Свида в качестве автора¹⁶.

Коллективное участие византийских ученых X в. в составлении энциклопедических трудов было обычным явлением. Поэтому и Свида, подобно Симеону Метафрасту, издателю сборника «Жития святых», мог возглавить целую группу лиц, трудившихся над созданием Лексикона, оставив за собой руководство и редактирование. При ознакомлении с содержанием Лексикона создается впечатление, что на его стиль и направление оказало влияние одно лицо. По предположению некоторых ученых, это лицо было духовного звания¹⁷. Автор Лексикона обнаруживает широкое знакомство с церковной историей, перечисляет всех не только известных, но и малоизвестных епископов, церковных писателей и ересиархов. При истолковании библейских слов он пользуется книгами Священного Писания Ветхого и Нового Завета, проявляя большую начитанность в них. По убеждению — это строгий ортодокс, враждебно настроенный к еретикам, особенно к иконоборцам.

Таким образом, вопрос о загадочной надписи Лексикона и его авторе при всех высказанных в науке предположениях и догадках следует считать открытым. Поэтому

¹⁰ F. Dölger. Zur Souda-Frage.— Byzantinische Zeitschrift. B. 38. Leipzig, 1938, SS. 36—37.

¹¹ F. Dölger. Der Titel des sog. Suidaslexicons. Sitz.-Ber. Münch. Akad., 1936.

¹² F. Lammert. Suda, die Kriegsschriftsteller und Suidas. Byzantinische Zeitschrift. B. 38. Leipzig — Berlin, 1938, SS. 23—35.

¹³ F. Dölger. Zur Souda-Frage. SS. 56—57.

¹⁴ B. Lavagnini. Suida, Suda o Guida? — Rivista di filol. e di istr. class., 40, 4. 1962 pp. 441—444.

¹⁵ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur..., S. 570.

¹⁶ Suidae lexicon, ed. 1853. Prolegomena, pp. I—III.

¹⁷ Suidae lexicon, ed. 1853, t. II, pars I, Prolegomena, p. XXIII.

при ссылках на это произведение мы считаем целесообразным придерживаться принятого до сих пор наименования «Свида» (Suida).

Здесь кстати отметим, что Максим Грек, переводивший некоторые статьи из Словаря для В. М. Тучкова-Морозова, в препроводительном письме к нему сообщал, что посылаемые повести «переведены из книги греческия философския глаголемыя Суидас»¹⁸. Максим Грек имел в руках Лексикон в первом издании (Милан, 1499), подготовленном гуманистом Дмитрием Халкондиллом. Возможно, что он принимал участие в подготовке второго издания, выпущенного в 1514 г. в Венеции Мануцием, в издательстве которого он некоторое время работал вместе со своими друзьями. Надо полагать, что среди ученых гуманистов того времени, впервые знакомившихся со Словарем по древним спискам, было принято наименование Σουιδας (Suidas), а не Σουδα (Souda).

Что касается времени написания Лексикона, то здесь дело обстоит проще. Ясные данные по этому вопросу мы имеем в самом Лексиконе. В конце статьи на слово *Ἀδάμ* приводится летоисчисление, начиная с Адама и кончая смертью византийского императора Иоанна Цимисхия (976 г.)¹⁹.

Отсюда можно сделать вывод, что Лексикон появился не раньше и не позднее последней четверти X в.

III

Переходя к краткой характеристике содержания Лексикона, следует отметить, что он не является собственно универсальным словарем в широком смысле. Это скорее характерное для позднегреческого и византийского времени грамматико-филологическое произведение, включающее вместе с тем значительное количество материалов по различным отраслям знания, как, например, философии, истории, естествознания, географии, медицины, музыки и пр. Поэтому оно занимает как бы середину между книгами лексико-этимологического характера по содержанию и современными энциклопедическими словарями, в которых даются преимущественно предметные пояснения.

1. В лексико-грамматико-этимологических частях Лексикон имеет тот же характер, что и предшествующие ему чисто словарно-грамматические произведения, которые в нем использованы. С этой стороны он не представляет ничего замечательного и неожиданного. По исследованию ученых, главными источниками здесь были: 1) словари: «Гарпократрон» в краткой редакции, которым пользовался и Фотий для своего Словаря, Лексикон Гелладия и, возможно, Евдемоса и, наконец, глоссы к Геродоту; 2) собранию схолий — схолии к Аристофану, Софоклу, Гомеру, Фукидиду, Платону, Лукиану, Гиппократу и Демосфену²⁰.

2. Как отмечалось выше, можно сказать, исключительную для византийской литературы особенность Лексикона составляет наличие в нем, помимо филологических, огромного количества предметных статей, касающихся различных областей знания: философии, естествознания, географии, медицины и т. д. Самыми ценными среди них являются историко-литературные статьи. По выражению К. Крумбахера, они рассеяны в Словаре как золотые зерна и придают ему значение важнейшего памятника всего византийского периода, особенно бесчисленными отрывками и выдержками из утраченных произведений и сведениями о забытых авторах. Именно эта часть Лексикона привлекала к себе особое внимание с первых времен гуманизма многих филологов, литературных критиков и историков, занимавшихся вопросами греческого Востока.

Вполне понятно, что выявление источников, использованных для этой части Лексикона, представляет первостепенную важность. Здесь исследователь сталкивается с большими трудностями. Главная трудность заключается в том, что составитель Лексикона в большинстве случаев не называет ни авторов, ни заглавий произведений, из которых он заимствовал те или другие цитаты. Кроме того, как показали исследования некоторых ученых (Bernhardy и других), основная часть историко-литературных статей извлечена не из оригиналов, а из позднейших компиляционных трудов. Так, например, твердо установлено, что главным источником для исторических статей Словаря послужила незадолго до того вышедшая названная нами выше «Историческая энциклопедия» Константина Порфирогенета, или так называемое «Константиновское собрание эксцерптов». Отсюда именно взяты в Словаре извлечения из большинства древних историков. На основании тщательных сличений De Boog пришел к таким интересным результатам: из просмотренных им древних авторов составитель Лексикона не имел ни одного перед собой в оригинале, но только в извлечениях по «Константиновскому собранию эксцерптов»²¹. И здесь же он приводит следующий список выявленных им древних авторов с указанием количества извлечений из них, имеющихся в Лексиконе.

¹⁸ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 70, прим. 133.

¹⁹ Suidae lexicon, ed. 1853, t. I, pars 1, col. 93.

²⁰ Lexicon Suidae, ed. 1853, Prolegomena, p. XLVII.

²¹ Von de Boor. Suidas und die Konstantinische Exzerptsammlung. II. — Byzantinische Zeitschrift. Band 23. Heft 1—2. Leipzig, 1920, SS. 126—127.

№№ п/п	Название авторов	Количество извлечений анонимных	Количество извлечений с именем автора
1	Менандр Протектор	84	—
2	Прокопий Кесарийский	49	—
3	Агафий Миринейский	5	—
4	Феофилакт Симокатт	31	—
5	Диодор Сицилий	34	2
6	Дион Кассий	32	—
7	Геродот	1	1
8	Евнапий	2	2
9	Полибий	61	18
10	Иосиф Флавий	78	8
11	Арриан Флавий	12	80
12	Аппиан	—	63

Относительно двух источников: Хроники Иоанна Антиохийского и Хроники Георгия Монаха De Boog допускает возможность непосредственного использования их составителем Лексикона, хотя обширные выдержки из них имеются и в «Константиновском собрании эксцерптов»²².

Что касается многих других древних историков античных и византийских, использованных в той или иной степени создателем Словаря, то вопрос о них De Boog оставляет открытым. Здесь предстоит дальнейшие изыскания.

Кроме «Исторической энциклопедии» Константина Порфиrogenета, Хроники Иоанна Антиохийского и Хроники Георгия Монаха, одним из главных источников, из которого автор Лексикона черпал историко-литературные и особенно биографические сведения, были труды Исихия Милетского, по прозвищу Иллюстрия (середина VI в.)²³. Из них известны три: 1) «Всемирная история», 2) «История правления императора Юстина (518—527) и первых лет Юстиниана» и 3) «Ономатолог». Все три произведения использованы Фотием в его «Библиотеке», а первое и третье — составителем Словаря. Первое — «Всемирная история» — у Фотия озаглавлено: «Ἱστορία Ῥωμαϊκή, τὸ καὶ παντοβιβλιότης», а в Лексиконе Свиды — «Χρονική ἱστορία». Третье произведение в Лексиконе называется «Ὀνοματολόγος, ἧ πῖναξ τῶν ἐν παιδείᾳ ὀνομαστῶν»²⁴.

«Ономатолог» Исихия в первоначальном издании содержал биографии всех известных языческих писателей эллинского мира, причем располагал их по роду их литературной деятельности: сначала шли поэты, потом философы, историки, далее ораторы и софисты, наконец, грамматик, врачи, астрологи и т. д. Ни одного христианского автора в «Ономатологе» Исихия не упоминалось. Но позднее, приблизительно между 829 и 857 годами, неизвестный автор подверг этот труд переработке, частью сократив его, а частью дополнив биографиями некоторых христианских писателей.

Свиды пользовался сокращенным анонимным изданием «Ономатолога». Оригинал этого произведения Исихия не сохранилось, и Свиды является важнейшим источником для восстановления подлинного «Ономатолога».

В противоположность предшествующим лексикографам и компиляторам, которые ставили перед собой довольно узкие, специальные цели и в соответствии с этим ограничивались сравнительно небольшим кругом используемых ими авторов и свидетельств, Свиды хотел в своем Лексиконе охватить все виды литературы и все столетия. Поэтому он не мог довольствоваться только предлагающимися словарями, глоссами и компилятивными сборниками, а привлек еще для своего Лексикона новых авторов, делая из их сочинений самостоятельные выдержки. Эти выдержки составляют более половины его глоссальных статей и свидетельствуют об его обширной начитанности и знакомстве не только со всем известными, но и многими малоизвестными или забытыми древними поэтами, историками, философами, грамматиками и другими писателями. Так, например, 1) он приводит выдержки из произведений комика Менандра и александрийских поэтов Каллимаха и Никандра; 2) сообщает сведения об историках: Арриане, Диодоре Сицилийе (римском историке времен Августа), Дионе Кассии, по прозвищу Коккиан, написавшем римскую историю и ряд других сочинений, Николае Дамаскине, знатном вельможе времен Августа, создавшем всемирную историю в 80 книгах²⁵; 3) передает краткие биографии философов и софистов: Александра Эгейского,

²² Von de Boor. Ibidem. SS. 12—38.

²³ Подробно о нем см.: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, SS. 323—325.

²⁴ Suidae lexicon, ed. 1853, t. I, pars I, col. 907—908.

²⁵ Там же, t. I, pars I, col. 1386, 1410; t. II, pars I, col. 986—988.

философа-перипатетика, учителя Нерона, и здесь же указывает еще несколько Александров, философов-софистов: Аполлония, проживавшего во времена Клавдия и Нерона в Греции, Египте, в Вавилоне у магов и у арабов; Днионисия Галикарнасского, софиста, жившего во времена Адриана, но известного больше по историческим трудам и особенно по истории музыки; Домнина, родом сирийца, единомышленника Прокла; Гермогена Тарсийского, философа-софиста; кроме известного Пифагора-философа, указывает еще несколько философов с тем же именем²⁶; 4) говорит об изобретателе древней музыки Амфине, об авторе многих грамматических трудов Аполлонии Александрийском, об авторе многих сочинений грамматических, исторических и философских Порфирии Тирском, называет шесть грамматиков и философов александрийских Птолемея²⁷ и т. д.

Статьи и заметки, особенно историко-литературного и биографического характера, добытые Свидой в результате собственных изысканий, значительно обогатили содержание Лексикона новыми малоизвестными до него сведениями. К сожалению, автор приводит свои выписки без правильного метода и без критического подхода, часто не указывая источника, откуда он черпает материал, и не отделяя важного и редкого от незначительного и обыкновенного. Иногда Свида объединяет под одним заглавием несколько статей, не делая различия между древними и более поздними известиями. Особенно большая путаница обнаруживается в биографических заметках из-за обилия омонимов и потому смешения исторических деятелей.

Следует, однако, отметить, что во многих неясностях и противоречиях, которые усматриваются в Словаре, повинен не сам Свида, а интерполянты.

Наконец, немалое удивление и досаду вызывает у новейших исследователей внешний порядок расположения материалов в Словаре. Все статьи в нем расположены не по принятому теперь алфавитному принципу, а по употребившейся во времена Свида и раньше его звуковой системе (*antistoechie*). Так, например, αι следует не после α, а после δ, так как этот дифтонг созвучен ε, после ζ следуют слова на ει, η, ι, так как все они звучат одинаково, равным образом ω стоит после ο и т. д. Этот принцип удерживается и для вторых и третьих букв слов Словаря, так что статьи на букву π, например, следует искать по такой схеме: παι, πε, πη, πι.

Все указанные особенности и недостатки Лексикона Свида создают немалые затруднения для ученых при его использовании. Несмотря на всё это, рассматриваемый труд является грандиозным и ценнейшим памятником эпохи византийской энциклопедической эрудиции. И приходится удивляться, что этот памятник не привлекает к себе достаточного внимания византологов.

IV

Русские книжники впервые познакомились со Словарем Свида в первой половине XVI в. через Максима Грека, который перевел из него несколько статей на русский язык для своих любознательных друзей, главным образом для В. М. Тучкова-Морозова. Обзор этих статей нами дан в последней нашей работе «Литературное наследие Максима Грека»²⁸. Здесь мы остановимся только на некоторых из них с дополнительными замечаниями, имеющими прямое отношение к характеристике Лексикона.

В статье об Аврааме (*Ἀβραάμ*)²⁹ Свида библейское сказание дополнил сведениями, заимствованными из поздних писаний апокрифического характера. В статье говорится, что Авраам, оставив дом отца своего, идолопоклонника, взял с собой священные книги, по которым обучал еврейских детей. От этих книг получило начало и греческое письмо, о чем свидетельствует наименование первой буквы у греков «альфа», которая созвучна еврейской букве «алеф»³⁰. Однако в другой статье Лексикона на слово Γράμματα сообщается, что грамоту первые изобрели финикийцы, чем Финикия и прославилась³¹. В сказании же о Прометее (*Προμηθεύς*) первым изобретателем грамоты, научившим людей книжной мудрости, называется этот именно герой греческой мифологии³². Такие противоречивые высказывания по одному и тому же предмету в Словаре Свида нередки. Как отмечалось нами выше, это объясняется не критическим отношением автора к используемым источникам.

Статья о Нероне (*Νέρων*) рассказывает о суде над Пилатом. На суд были вызваны вместе с Пилатом еврейские первосвященники Анна и Каиафа, апостол Петр и Симон волхв. Анну и Каиафу после допроса Нерон отпустил, апостола Петра за его отречение от Христа и Симона волхва за его ложь гневно прогнал с суда, а Пилату за

²⁶ Там же, t. I, pars 1, pp. 204—205, 623—626, 1323, 1432—1434; t. I, pars 2, pp. 530—532; t. II, pars 2, pp. 543—547.

²⁷ Там же, t. I, pars 1, pp. 306, 626—627; t. II, pars 2, pp. 272—274, 525—527.

²⁸ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 68—79.

²⁹ Suidae lexicon, ed. 1853, t. I, pars 1, col. 23—28.

³⁰ А. И. Иванов. Цит. соч., с. 69—70.

³¹ Suidae lexicon, ed. 1853, t. I, pars I, col. 1135.

³² Там же, t. II, pars 2, col. 448—449; срав.: А. И. Иванов. Цит. соч., с. 71.

то, что он позволил казнить «чуждого» человека без царского повеления, приказал отрубить голову³³. Издатель Лексикона Bernhardy указывает, что Свида заимствовал эту статью из Хроники Иоанна Антиохийского. Повесть о суде над Пилатом имеет несомненную связь с апокрифическим «Евангелием Никодима» и сказаниями «Послание Пилата к Тиверии Кесарю» и «Послание Августа Тиверия к Пилату»³⁴.

Статья на слово *Σερόβου* интересна тем, что здесь под одним заглавием помещены две статьи, несколько различные по своему содержанию. Первая заканчивается рассказом о гибели от Божественного огня двух несчастных городов Содома и Гоморры. В конце второй говорится о прославлении эллина гиганта, происходившего от колена Иафетова и участвовавшего в строительстве башни (Вавилонской), через которую произошло разделение языков³⁵.

Та же особенность отличает статьи о «Сивиллах» (*Σίβυλλαί*). Под общим заглавием здесь объединено несколько заметок, заимствованных из разных неизвестных источников, причем в заметках не устранены расхождения в наименовании Сивилл³⁶.

Как указано выше, главный недостаток Лексикона Свида, крайне затрудняющий пользование этим замечательным произведением, заключается в том, что очень многие статьи в нем, весьма разнообразные и чрезвычайно интересные по содержанию, не подкрепляются ссылками на источники. Читая то или иное историческое известие, биографию того или иного деятеля, характеристику литературного произведения или определение какого-либо философского понятия, мы не знаем, на какие древние свидетельства опирается автор и потому насколько достоверно и авторитетно его сообщение. Так, например, в статье «*Βούλγαροι*» Свида рассказывает о древних болгарях, об их походах против аваров и победах, о законодательных мероприятиях болгарского князя Крума (Крема) и пр.³⁷ Но откуда взяты все эти сведения — не указывается. Равным образом без всяких ссылок на источники излагаются биографии: византийского императора Феофила, некоторых греко-восточных епископов (Аттика Константинопольского, Авксентия Молсуэстийского, Вавилы Антиохийского), философов-софистов Адриана и Андромаха сирийца³⁸ и многих других древних исторических лиц. Остается невыясненным вопрос о происхождении многочисленных сентенций и поговорок, рассеянных в Словаре: являются ли они выписками из произведений древних авторов и специальных сборников, или их следует отнести к интерполяциям?

Но при всех отмеченных выше пробелах, противоречиях и неясностях Лексикон Свида содержит в себе бесчисленное множество ценнейших для науки исторических и литературных статей, биографий исторических деятелей, писателей, философов и ученых, филологических заметок и других материалов, которые, по выражению Крумбаха, как пурпуровый плащ, прикрывают слабые места и ошибки и придают Словарю значение выдающегося произведения византийской учености, заслуживающего самого серьезного внимания со стороны византинистов историков и филологов с целью его дальнейшего глубокого изучения и научного использования.

³³ Suidae lexicon, ed. 1853, t. II, pars 1, col. 966—968.

³⁴ А. И. Иванов. Цит. соч., с. 71 и 87.

³⁵ Suidae lexicon, ed. 1853, t. II, pars 2, col. 717—719.

³⁶ Там же, col. 739—743; см. также: А. И. Иванов. Цит. соч., с. 75—76.

³⁷ Suidae lexicon, ed. 1853, t. I, pars 1, col. 1016—1018; см.: А. И. Иванов. Цит. соч., с. 73.

³⁸ Suidae lexicon, ed. 1853, t. I, pars 1, col. 112—113, 390—391, 837—839, 861—862, 980—982; t. I, pars 2, col. 1150—1151.